

«Ты была лучшей из всех, кого я видел...»

Письма Н.И.Вавилова

Письма Николая Ивановича Вавилова, одного из крупнейших российских ученых XX в., к своей будущей жене Елене Ивановне Барулиной написаны в Саратов, на кафедру частного земледелия и селекции Саратовского сельскохозяйственного института, где он был профессором и где работала его бывшая студентка-дипломница Е.И.Барулина*. Письма написаны из Воронежа, Москвы и Петрограда в сравнительно короткий период — конец 1920 г. и начало 1921 г. Но именно в них отражены два переломных события в жизни Вавилова. Первое — поездка в Петроград, куда его пригласили возглавить Бюро по прикладной ботанике и селекции после смерти предыдущего заведующего Р.Э.Регеля. Предстояла большая организационная работа: переезд Бюро с Васильевского острова в новое здание на Большой Морской, хлопоты о передаче великокняжеской усадьбы в Царском Селе для организации селекционной станции, подготовка к приему саратовских сотрудников. Второе событие — глубоко личное. Будучи женатым на Е.Н.Сахаровой и испытав разочарование и множество сложностей в этом браке, он с головой уходит в новую любовь — к «милой и прекрасной Леночке». Позднее Вавилов назовет эти письма «безнадежно-безумными».

Елена Ивановна, глубоко влюбленная в своего учителя, тем не менее считала недопустимым разрушать его семью и, видимо, в своих письмах часто писала об этом. Вавилов постоянно доказывал ей свою любовь, чистосердечно рассказывал о своих разочарованиях в отношениях с женой и неоднократно писал, что любовь прибавляет ему силы, особенно в этот непростой для него период переезда из Саратова в Петроград и постоянных размышлений о неудавшемся браке.

В декабре 1920 г. Вавилов после вступления в должность заведующего Отделом по прикладной ботанике и селекции возвращается в Саратов, чтобы продолжить работу над книгой «Полевые культуры Юго-Востока», закончить ряд других работ и подготовить к отъезду в Петроград материалы, семена, библиотеку и сотрудников, выразивших готовность поехать с ним на новое место работы.

Несмотря на то, что Вавилов виделся с Еленой Ивановной на кафедре практически каждый день, их переписка продолжалась. Скрывая свою любовь от окружающих, они имели очень ограниченные возможности для встреч и разговоров о сокровенном. Постоянно находясь среди людей, они редко оставались наедине и поэтому обменивались письмами, даже передавать которые иногда было непросто.

В конце февраля Николай Иванович уезжает из Саратова и пишет письма с дороги — из Москвы, где останавливался проездом, а затем — по приезде — из Петрограда. Елена Ивановна выедет туда через несколько месяцев — со второй партией саратовцев, отправившихся в неведомый им Петроград...

Эти письма отражают (увы, односторонне, поскольку письма Барулиной не сохранились; они были уничтожены НКВД после обыска в квартире и ареста Н.И.Вавилова) становление новых отношений двух незаурядных людей, знавших друг друга уже более трех лет, работавших рука об руку, безмерно преданных общему делу и осознавших наконец, что их связывает нечто большее, чем уважение и дружба.

Все письма, кроме двух, напечатанных не полностью, публикуются впервые. Не менее семи писем этого периода ранее вышли в разных источниках.

Часть писем Николай Иванович писал по-английски (выделено курсивом), предлагая отвечать ему также по-английски (этим он стимулировал Елену Ивановну к изучению языка).

Первые два письма, написаны непосредственно перед приездом в Петроград со съезда по прикладной ботанике, проходившего в Воронеже. Именно в них наряду с сугубо деловой информацией проскальзывают первые слова заботы и нежности, переводящие письма из разряда официально-деловых в категорию личных.

* Подробнее о Е.И.Барулиной см. *Вишнякова М.А.* Святая святых души // Природа. 2007. №11. С.75—82.

24/IX. (Воронеж)*

Милая Елена Ивановна.

Второй день съезда. Съезд довольно интересный, много народу, многих не видел года три и больше. Воронежцы очень гостеприимны. Нас поселили с Ячевским¹, Талиевым², Заленским³.

К гомологическим рядам большой интерес. Выслушиваю и критику, и одобрения. Больше последних, но больше интересуюсь критикой. Признаюсь, побаивался Талиева. Он очень остроумный, и сердитый, и врожденный полемист. Его мнение мне было очень любопытно, но пока не спрашивал. Вчера неожиданно в конце доклада «Теория эволюции и селекции» услышал большое одобрение, которого никак не ждал от Талиева. Еще интересуюсь мнениями Козо-Полянского⁴ и в Питере Комарова⁵.

Ясно одно — надо работать, а путь верный, и я рад, что удалось кое-что действительно подметить общего в науке.

Здесь слишком много внимания, от него хочется сбежать в лабораторию, к книгам.

Делал предв[арительный] доклад о помесях арбуз[ов], дынь и тыкв. Прения ничего не дали. Но после узнал кое-что новое.

Настаивают на прочтении доклада о рядах. Но очень не хочется. Без подготовки, написания не умею так, как хотелось бы изложить. А готовиться некогда. Добрались мы с Орловым⁶ быстро, в один день.

Из Воронежа поеду в Москву и Питер.

Я очень хотел бы, чтобы ты была со мной. Так много надо еще видеть, надо понять друг друга.

Завтра, должно быть, придется излагать ряды. Вдохновения нет, но м.б. оно придет.

Пиши. Надеюсь в Москве иметь от тебя письма. Из Воронежа выеду, вероятно, числа 29-го.

Твой Н.

Следующее письмо напишу по-английски.

* В скобках приведены названия городов, если они отсутствуют в тексте письма.

¹ Ячевский А.А. (1863—1932) — ботаник, миколог и фитопатолог.

² Талиев В.И. (1872—1932) — биолог; с 1918 г. профессор, заведующий кафедрой ботаники Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

³ Заленский В.Р. (1875—1923) — ботаник-физиолог; в 1922—1923 гг. ректор Саратовского сельскохозяйственного института.

⁴ Козо-Полянский Б.М. (1890—1957) — геоботаник, систематик; с 1920 г. профессор Воронежского сельскохозяйственного института, затем Воронежского университета.

⁵ Орлов А.А. (1888—?) — агроном, полевод; работал в Саратовском и Воронежском отделениях Всесоюзного института растениеводства (ВИР), с 1925 г. директор Кубанской опытной станции ВИР.

⁶ Комаров В.Л. (1869—1945) — ботаник, географ, путешественник. Президент АН СССР (1936—1945).

26/IX. (Воронеж)

Вчера делал доклад о рядах. Говорили Рождественский¹, Гельмер², Келлер³, Талиев, Козо-Полянский. Талиев много сказал существенного, и для

него — в порядке мягкой форме. Много я приму к сведению. Козо-Полянский был очень суров. Это первая критика по самому существу. Много кратких, но дельных замечаний по фитопалеонтологии. Хотя как автор я должен признать свои упущения, но я готов их признать. Зайдя к вершинам, легко заблудиться, особенно тогда, когда в сутолоке, конечно, не уследишь ни за палеонтологией, ни за морфологией.

Сегодня или завтра будем с ним толковать долго.

Узнал от Гельмера кое-что по викам. Для работы много импульсов. Для них надо было ехать в Воронеж.

Выяснилась необходимость основательно углубиться в общую морфологию, палеонтологические данные. Словом, надо спокойно, много читать, писать и думать, и главное — по общим вопросам.

А как дела в Саратове?

Милая Леночка, как с малярией? Надо всерьез ее преодолеть. Как идет работа?

Между прочим, Гельмер говорит, что он пользуется всегда биноклем для различения рисунка вик.

Как в лаборатории, как дома?

Сведения о смерти отца подтверждаются. Неопределенно место смерти, не то Константинополь, не то Прицевы острова.

Очень жаль, что ты не в Воронеже.

¹ Предположительно Рождественский И.П. — профессор Ярославского университета, анатом, гистолог.

² Гельмер О.Ф. (1876—1946) — агроном, заведующий отделом селекции Харьковской областной сельскохозяйственной опытной станции.

³ Келлер Б.А. (1874—1945) — ботаник-эколог, академик с 1931 г., профессор Воронежского сельскохозяйственного института и Воронежского университета.

5/X. (Петроград)

Милый друг.

Подъезжаем к Петрограду. В нем многое должно решиться. Немного больно за множество дел, которые надо успешно провести. Получил известие от Кон[стантина] Мат[веевича]¹ о саратовской факультетской суматохе.

Не верю, чтобы из нас вышло что-либо путное. Да если бы и вышло, все равно поход на Петроград решен. От московских универс[итетских] ботаников ex officio² получил приглашение на профессуру по генетике в Московском университете. Это то, о чем я раньше только мог мечтать. Но, взвешивая все, решение определенно клонится за Петроград. В Москву лишь можно будет приезжать на короткое время для прочтения курса.

Милая Леночка, тебе так много мне хочется сказать. От радости, счастья, сознания силы так часто переходишь к унынию.

За две ночи прочитал английскую Nature за 20-й год. Мы не отстали от Англии — это верно. В Nature так много интересного. По обрывкам восстановил всю жизнь. Mr. Bateson³ жив, но мно-

гие уже не в живых. Doncaster, Gregory⁴. Жизнь трудна и там. Но Merton⁵ (Bateson'ый институт) живет и работает нормально.

От здешних наркомземов, наркомеров у меня начинает болеть голова. И стараюсь избегать их. Помогает Орлов. Жизнь трудная, сложная. Живем правда, лучше, чем зимой, как-то стали все бодрей.

В общем пока наша поездка идет продуктивно и не отстал от расписания. Недели полторы пробудем в Петрограде. Дней 5 в Москве и следовательно числу к 20 будем в Саратове.

Как поживаешь ты, идет ли работа? Мне так хочется, чтобы все шло хорошо, интенсивно.

Продолжаешь ли учить английский? Будем говорить с тобой только по-английски. Напиши, пожалуйста, в Москву. Я часто думаю о тебе. С каждым днем ты становишься дороже для меня.

Твой НВ

¹ Чинго-Чингас К.М. (1884—1939) — агроном; с 1913 г. — сотрудник Бюро по прикладной ботанике, с 1923-го — заведующий мукомольно-хлебопекарной лабораторий.

² Ex officio (лат.) — независимо от одной из сторон.

³ Бэтсон Уильям (1861—1926) — английский биолог, один из основателей генетики, в лаборатории которого Н.И.Вавилов стажировался в 1913 г.

⁴ Донкастер Л., Грегори Р.Ф. — английские генетики, работавшие с Бэтсоном.

⁵ Мертон — пригород Лондона, где располагался Садоводческий институт Джона Иннеса, директором которого был Бэтсон.

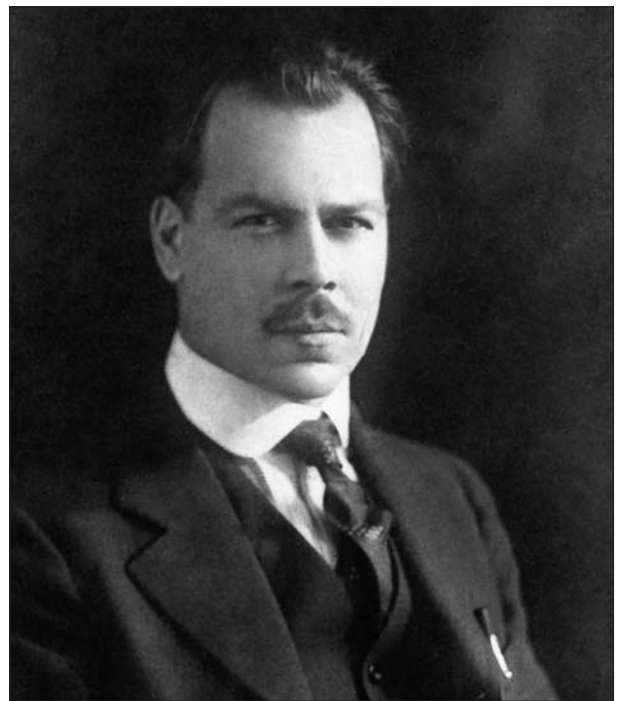
5/X. (Петроград)*

Сижу в кабинете за столом покойного Роберта Эдуардовича Регеля, и грустные мысли несутся одна за другой. Жизнь здесь трудна, люди голодают, нужно вложить заново в дело душу живую, ибо жизни здесь почти нет, если не труп, то сильно больной, в параличе. Надо заново строить все. Бессмертными остались лишь книги да хорошие традиции.

В комнате холодно и неудобно. За несколько часов выслушал рапорт о тягостях жизни. Холод, голод, жестокая жизнь и лишения. Здесь до 40 человек штата. Из них много хороших, прекрасных работников. По нужде некоторые собираются уходить.

Они ждут, что с моим переездом все изменится к лучшему. Милый друг, мне страшно, что я не справлюсь со всем. Ведь все это зависит не от меня одного. Пайки, дрова, жалованье, одежда. Я не боюсь ничего, и трудное давно сделалось даже привлекательным. Но боязнь не за самого себя, а за учреждение, за сотрудников. Дело не только в том, чтобы направить продуктивно работу, что я смогу, а в том, чтобы устроить личную жизнь многих.

Все труднее, чем казалось издали. Практически все надо учесть. Я не боюсь за нас с тобой. Ты будешь всегда со мной: вместе многое легче. Раньше, в студенческие годы, мне казалось, что сила только в одиночестве. Годы прошли, и я знаю, что это не так. Творчество требует импульса — без лабо-

Н.И.Вавилов. 1920 г.

ратории, без внимания, без поощрения, мне кажется, я даже не могу совершенно работать.

Мне хочется, чтобы ты знала все, чтобы союз наш был на жизнь и на смерть. Последнее, конечно совершенно не страшно, ибо нет чего проще как очутиться на том свете, мне хочется считать, что впереди не только свет, но и тени.

Мне нужна твоя помощь, твоя любовь и симпатия к тому, что стоит впереди.

Из Отдела я уже наметил переход во дворец: там светло, просторно, а главное — все можно строить заново, как хочется.

Одно, что радует, — полное сочувствие всех, радушие.

Словом, хочется создать жизнь дела, полную жизни, уютности, кот[орой] пользоваться хоть в периоды оседлой жизни.

И все надо выяснить, учесть, не увлечься. Вот проблемы, которые довлеют дневи злобу его¹.

Милая Лена, ты часто как ангел-хранитель рисуешься в голове, и я уже привыкаю все связывать с тобой.

Твой НВ

* Письмо было частично опубликовано ранее.

¹ «Довлеют дневи злобу его» — «довольно для каждого дня его заботы» (из Нагорной проповеди Иисуса). Мф. 6:34.

10/X. (Петроград)

Милый друг.

Я часто вспоминаю о тебе. Как хотелось бы часто, чтобы ты была со мной. На фоне голода (мы,

Е.Н.Барулина. 1926 г.

конечно, еще далеки от него), многого такого, чего не хотелось бы видеть, так много прекрасного, что хотелось бы (надо бы было перечитать тебе*, чтобы и ты переучила). Мы бродим от учреждения к учреждению, от одного ученого к другому, выслушиваем повести грустных физических и моральных мучений, но наряду с этим невольно любуешься сохранившимся садом с дивными оранжереями, гербарием лучшим в мире, книгами, зданиями, да и самими людьми.

Человек как таковой превратился в Versuchskaninchen¹ социалистических экспериментаторов, невольно хочется избежать этого положения, но в то же время здесь так много великого и прекрасного, что трудно решить, где перевес.

Надо быть реалистом, и когда реально анализируешь здешнюю жизнь в перспективе личного устройства, сознаешь всю досадную и нелепую трудность. Милый друг, ты должна быть снисходительна к этим сомнениям. Много еще надо решить вместе в Саратове.

Прочитал прекрасную статью Gassard² о предугадывании новых видов грибов. Она мне страшно нужна. Закон о рядах занимает меня сейчас больше чем что-либо. Надо непременно перевести его на нем[ецкий] язык. На днях сюда приходил кто-то из Австрии с просьбой разрешить его перевести на нем[ецкий] язык. Но его надо переработать, и сильно. И Воронеж, и Петроград мне много дополнили. И первоочередная работа нашей лаборатории в достойном виде подготовить «Ряды» к опубликованию в большом виде с таблицами.

Как-то рисует Мария Петровна? ... неясного. Боюсь, что в Петрограде задержусь.

Вчера провел в Ученом комитете тебя, Ол. Вяч.³ и Орлова старшими ассистентами начиная с 1/IX. Это нужно будет и для Петербурга, и для Саратова.

* Одно слово неразборчиво, видимо, «Min».

¹ Versuchskaninchen — кролик (нем.).

² Жаккар П. — швейцарский ученый, разработавший количественный метод сравнения флор и заложивший основы статистического направления в изучении экосистем.

³ Якушкина Ольга Вячеславовна — ассистент кафедры частного земледелия и селекции Саратовского сельскохозяйственного института.

14/X. (Петроград)*

Милый друг.

Вопрос о Петрограде решен определенно. Никаких колебаний относительно переезда у меня нет после всего, что выяснилось теперь, в течение наших дней пребывания здесь. Ни «колония», которую как будто нам дают в Саратове, не остановит нас в нем. Было пережито много сомнений, и ты знаешь, дорогой друг, их. Определенность решению дало Царское Село, откуда мы только что вернулись. Мне трудно вкратце передать тебе все. Но иного решения объективно быть не может. И ты одобришь его.

В Царском Селе нашлось все, о чем только мог мечтать. Чудесный дом для генетического Института, оранжереи, кругом лес, дворцы, самое здоровое место по климату, удобство сообщения с Петроградом, все полно Пушкиным, и — подумай только! — в одном из домиков нашей селекционной станции жил Пушкин. Памятник Пушкину против Лицея — живой Пушкин, от него не оторвешься. И самый Пушкинский музей рассматривался как возможность здания для генетическ[ого] Ин[ститу]-та.

В Ц[арском] Селе так хорошо, что лучшего, кажется, трудно желать. Мы с Орловым как-то сразу ожили, и даже для осторожного А[лександр]А[лексееви]ча ясно, что иного решения быть не может. Конечно, много и без числа трудностей. Если бы ты, Леночка, представила, как трудно перевозить отдел с Вас[ильевского] О[стро]ва во дворец, как трудно преодолеть инерцию покоя. Но я чувствую, что все преодолимо, лишь очень хотеть.

Твой НВ.

* Письмо было частично опубликовано ранее.

17/X. (Петроград)

Милый друг.

Снова ночь, и снова сижу в кабинете перед камином Р.Э.Регеля. Но теперь не холодно и даже, пожалуй, уютно. Слово студент 1-го курса, чувствую себя молодым, полным силы. Вопрос о Питере решен просто и бесповоротно. Будем нала-

живать жизнь. Жизнь должна быть красивой, интересной, полной смысла и содержания. Пути ея ясны. Условия трудные и путь тяжелый. Я это хорошо знаю. Устроить внешнюю обстановку, микроскопический уют, необходимый для работы, труднее, чем решить самую трудную научную проблему. Но попробуем, авось решим и то и другое.

Мне хотелось бы так много узнать от тебя. Но пока у меня только первое твое письмо, хотя я, кажется, посылаю десятое. Твои письма ждут в Москве.

Здесь много хлопот, много и любопытного. Попали на северную выставку по сельскому хозяйству. Смотрим турнепсы, репу, свеклу, капусту, картофель и тыквы. Какие они оригинальные. Полный контраст Востоку. Многие тыквы увидел впервые, многое для рядов. Вообще один помывсел — скорее в Царское Село, скорее надо налаживать жизнь и работать над тем, что интересно.

Милая Лена, штудируй языки — это самое главное. Они откроют путь ко многому. Каждую минуту свободную используй на англ[ийский], нем[ецкий], фр[анцузский].

Только одно желание, я хотел бы, чтобы ты была совершенной. Я уверен, ты можешь это сделать. Твой английский уже не очень плох. Читай литературу. Я бы хотел, чтобы ты стала настоящим помощником. Вместе мы сможем сделать гораздо больше, вдвое больше, чем я способен сделать один. Мы будем работать вместе.

Спокойной ночи. Уже очень поздно. Завтра так много дел, беготни.

Твой Н.

Возможно, в Петрограде останусь еще на 8—10 дней и в Саратове буду в первых числах ноября.

Твой Н.

20/X. (Петроград)

Милый дорогой друг, сегодня, собственно, большое событие. Первые 9 подвод перевезли часть Отдела в новое помещение (бывш[ий] дом министра земледелия). Пока только 9 подвод, а всего, по моему подсчету, их надо 120. Но и то много, сдвиг, и я очень рад. Если бы ты вообразила, как это нелегко. Если бы ты видела этих ужасных грузчиков. Как было трудно достать людей, лошадей.

В новом помещении светло, красиво и как-то величественней. Мне оно очень нравится, и ты полюбишь его. Старое помещение низкое, в 5-м, 6-м этаже, обычная островная квартира, из которой хочется бежать. Все мелко. Как-то тоже вся наша мебель оказалась убогой для дворца. Озабочен приведением его в соответствие.

Я не знаю, как пойдет дело, но кажется, что пойдет. Только взяться посильней. Только всем заразиться желанием создать, и мы сделаем многое.

Мне очень хочется скорей совсем сюда, чтобы мы были все вместе.

Утро. 22/X. Перевозка продолжится еще дней 8-9, если не отберут лошадей, что легко может статься. Засим должен составить сметы по Отделу, по Стебутовским курсам¹ и получить суммы на переезд из Саратова.

Вообще занят, как видишь, самым скучным, но это необходимо, необходимо импульсировать переезд (против него было почти все Бюро), довести его до конца. Вообще несколько месяцев до окончательного переезда в Царское Село и из Саратова не легки. Когда в 1916 г. я во время войны собрался в Персию, Н.М.Тулайков² назвал это авантюризмом. The adventurer — любитель приключений — обидней ничего нет. По крайней мере в англ[ийском] восприятии. В конце концов первым оказался the adventurer. Не знаю, как теперь он назовет наш переезд, да еще in cogrore³.

Но без приключений скучно жить. Без приключений нет открытий. Конечно, это довольно опасно. Гораздо более удобно сидеть и работать спокойно. Иногда я бы очень хотел этого. Дорогой друг, ты никогда не говорила мне, как ты смотришь на все эти вещи. Готова ли ты ко всем этим «приключениям». Любишь ли ты их. В этом много риска.

Твой Н.

¹ Имеется в виду Петроградский сельскохозяйственный институт — бывшие Стебутовские курсы.

² Тулайков Н.М. (1875—1938) — агроном, растениевод, академик АН СССР и ВАСХНИЛ.

³ In cogrore — в полном составе (лат.).

Уже 28 октября. Уже пролетело 9 дней в поисках людей, денег и спирта. Уже 90 подвод послано в новый дом. Скоро придет конец.

Мой самый лучший друг, я очень спокоен, более, чем думал. И сейчас я уверен, что через 3-4 дня мы будем в новом здании. Это был экзамен, первый в новых условиях.

Конечно, нужно еще много сделать. Вся мебель, книги в беспорядке. Много недель пройдет, пока все это будет закончено.

Я не доволен многими здесь. Без меня они бы не сделали ничего. Я так рад, что Фляксбергер¹ здесь. Он хороший работник. Иногда он выглядит таким жалким, слабым, он не очень здоров, но он все еще хороший ученый и понимает, что есть истинная наука, и любит науку. Это самое важное.

Всем вместе, дорогая Лена, здесь так много надо сделать. Но надеюсь, что не напрасно. До сих пор все идет так, как бы мне хотелось.

Чем больше я вижу Петроград, тем больше я люблю его. Он действительно прекрасен — город Петра и Пушкина. Для меня большое удовольствие проходить мимо памятника Петру, видеть сфинксы с Нила. Они прямо на другой стороне Невы.

*Мы многое должны посмотреть вместе.
Люди в общем очень добры, они много помогают.
Будь здорова, дорогая.*

¹ Фляксбергер К.А. (1880—1939) — ботаник, специалист по систематике хлебных злаков.

31/X. 2 часа ночи, Марининская площадь Морская, 44

Дорогой друг.

Только что прибыл от Берга. С ним, как всегда, очень интересно. Мы разговаривали об изменчивости. С позиций зоологии он рассказал мне очень важные факты. Как всегда, он был чрезвычайно молод (извини, я хотел бы немного написать по-русски).

Вот уже две недели, как идет перевозка. Главное сделано. Вторую ночь ночую в новом доме. Конечно, еще много хлопот. Все свалено в груды, мебель разобрана, и непросто ее соберешь. Еще возов на 50 имущества осталось на Острове.

Но главное сделано, и сижу в своем кабинете у камина. Огонь горит ярко, весело. Стены холодные, на дворе зима, но как-то не страшно.

Пока идет все медленно, но, по-моему, не плохо. Устраиваю понемногу и публику. Фляксбергер совсем доволен квартирой, нашел служительницу, служителя.

Мой кабинет из трех комнат. Две оставили для жилья. В одной из них камин, и можно жить и зимой.

Страшно задержался в Питере, так хочется скорей быть у себя в лаборатории в Саратове, видеть тебя, узнать, что сделали, хоть немного войти в работу, настоящую, любимую.

Но боюсь, что недели на две еще задержусь из-за смет, Царского Села, финансов, да и разобраться в перевезенном надо при себе.

6/XI. (Петроград)

Дорогая Лена.

Перевозка уже кончена, даже контуры разборки закончили. На днях справляли новоселье. Кончил хлопотать с воинск[ой] повинностью, и, ужасная вещь, я потерял здесь все свои документы, но в 1/2 дня почти восстановил их — здесь оказалось это легко.

Сегодня приступил к Царскому Селу и финансам, в общем, бумаг еще дней на 8, и затем в Москву. 40 дней и 40 ночей Петроградского жития убедили меня, что жить и работать тут можно. (Одно слово неразборчиво. — М.В., Ю.В.) налаживать никуда не годный хозяйственный аппарат, и наш Омельченко¹ куда выше здешних «советских служащих». Многих надо сменить — это отложил для следующего приезда.

Подвод понадобилось вместо 100 — 180, но и их достали.

Кое-какие отделы на будущей неделе могут уже заниматься науч[ной]. работой. Ты успеешь еще послать мне письмо в Москву. Пожалуйста, пиши.

За всей этой черновой административной работой я отошел от настоящей работы, но только ради нее.

Раздумывая, мне кажется, что я остался верующим человеком каким был в детстве, только вместо одного бога служу другому. И, право, хочется создать храм науке, настоящей науке. Для этого нужны кирпичи, балки, вот их-то и возим теперь.

Но м.б., это все утопия. Но мы утописты, не правда ли.

Будь здорова, пиши, пожалуйста, дорогая. Мне бы хотелось знать тебя, пиши обо всем в твоей жизни. Твоя жизнь должна быть связана с моей жизнью.

Твой Н.

Итак, я жду твоего письма в Москве.

Немного заболел, простудился, так как одет не по сезону и от носки тяжестей при перевозке, но, надеюсь, скоро все будет хорошо.

Доходят ли до тебя письма? Я адресую их чаще Цариц[ынская], 170.

¹ Омельченко В.К. (1886—1969) — агроном, селекционер, агрометеоролог. В Саратовском отделении Бюро работал как полеводом, так и хозяйственником.

7/XI. 44 Морская

*Мой самый дорогой друг,
к сожалению, я болен. Случилась история, которая была со мной 7 лет назад в Англии и 4 года назад после путешествия на Памир. Что-то похожее на переутомление и простуды. Я не могу ходить и двигаться, должен сидеть дома неподвижно и в кровати. Надеюсь, все пройдет очень скоро. У меня нет времени болеть. К счастью, два дня я могу посидеть дома, сегодня и завтра. После завтра я должен ехать в Царское село. Все идет хорошо. Очень много черновой работы.*

Я бы хотел поехать в Москву 12-го или 13-го ноября, если все будет хорошо.

Мысли роятся в мозгу. И часто по преимуществу они связаны с тобой. Я обдумываю нашу любовь. Это так ясно для меня, что я не могу больше поступать, как раньше. Я действительно вполне свободен. В этом нет сомнения вовсе. В целом я терпелив, как по меньшей мере кажется мне, но я не могу любить мою жену. Это вполне объективно. Я думаю, что это вполне ясно и ей тоже. Для меня нет сомнения, что я имею право любить тебя. Внутренне нет даже малейшего сомнения в этом.

Ты была лучшей из всех, кого я видел, твоя любовь к моей работе была ясна для меня. За три года, что я знал тебя, по меньшей мере твою жизнь в лаборатории. Ты знаешь, я довольно критичен.

Прежде всего ты была субъектом критики, конечно. Первая реакция ученого — строгая критика.

Прости меня за все эти строки. Но ты сама пишешь и говоришь о сомнениях. Я хорошо знаю все трудности на пути, но я готов к ним, и я чувствую, это обоснованно. Мой сын всегда будет моим сыном. Я надеюсь, ты полюбишь его, ты будешь добра к нему, он такой хороший мальчик. Мы должны обдумать много вещей. Я думаю, все устроится.

Сейчас твое слово, дорогой друг, ты должна быть очень критичной, по крайней мере на некоторое время. Будь осторожна в своем решении. Ты свободна, действительно, не внешне, не на словах, но в своих внутренних чувствах. Будь очень строга к себе и ко мне. Я готов ко всему. Ведь жизнь не только в лаборатории. Жизнь в ее многообразии перед тобой. Твоя любовь к работе была одним из первых импульсов для моей симпатии к тебе. Я считаю, что самое важное в нашей жизни — мы должны понимать друг друга и работать вместе.

Но закончилась ли твоя первая любовь? Твой отрицательный ответ, конечно, очень ранит меня, но лучше это будет сейчас, чем позже.

Я рад, что по меньшей мере для этой цели ты можешь обдумать все это во время моего отсутствия. Твой ответ сейчас может быть вполне ясным и определенным.

15/XI. Петроград. Морская, 44

В среду 18-го выезжаю наконец в Москву. Закончил благополучно царскосельские дела, остались финансовые, но и с ними справимся. Так хочется скорее в лабораторию, видеть тебя, твою работу, видеть все.

Завтра справляем новоселье. Немного рано, еще с месяц разборов, но спешим до отъезда.

В Москве надеюсь найти письма от тебя, узнать многое. Тороплюсь кое-что подчитать, надо бы записаться за писание, но вряд ли останутся часы. И потом, потом одно — работать можешь хорошо в своей обстановке среди книг, близких людей. Мне кажется, что вдвоем мы сделаем гораздо больше, чем я один.

17/XI. Утро. Завтра надеюсь стартовать в Москву. Наконец. Здесь есть кое-какие дела, в основном финансовые. Если они пройдут успешно, все будет хорошо.

Вчера у нас было новоселье. Это было достаточно тепло и единодушно. Хотя наши хоромы не в порядке и вряд ли к маю мы приведем их в надлежащий вид, но уже пшеница, ячменя, да и все остальные расставлены. И, пожалуй, уже теперь много лучше, чем было на Острове, и даже уютней.

На торжестве был Ячевский, Траншель¹, пред[едатель] Уч[еного] комитета милый старичок Ковалевский², были речи, пожелания etc.

Итак, завтра в Москву.

Милый друг, я часто думаю о тебе. Эти обрывки писем и многое начатое и неоконченное за суетой — доказательства памяти о тебе.

Как ты живешь, о чем твои мысли. Все мои помыслы пока направлены на создание внешней среды. Это трудно, но небезнадежно. А внутренне смысл всего — душа. Она почему-то ясна. М.б., потому, что Царство Божие внутри нас.

Мне кажется, что пути ясны, и, что бы ни стояло перед нами, надо по ним идти.

¹ Траншель В.А. (1868—1942) — ботаник, миколог, с 1900 г. хранитель Ботанического музея Императорской академии наук.

² Ковалевский В.И. (1848—1934) — агроном, растениевод, экономист. С 1917 г. — председатель Сельскохозяйственного учебного комитета.

19/XI. Москва, Ср. Пресня, 15

Милая Леночка.

Сегодня приехал в Москву из Питера. Нашел твое письмо от 13/X. Мне казалось, что должно быть больше писем. Но хорошо — хоть одно, хотя и такое давнее. Я очень рад ему, хотя оно и грустное. Милый друг, прошлое прошло. Будем жить настоящим и будущим. А прошлое, когда поотойдет, не так страшно и худо, как кажется. Я сам много видел плохого и в юности собирался не раз бежать из дома. Радости было не много. И в общем так много сходило. Ну об этом потом.

Мне так хочется скорее видеть тебя, сказать, что мы преодолеем все. Я часто думаю о тебе, и как-то все стало лучше, и даже все лучше удастся. Питерские дела закончили, как мне кажется, совершенно хорошо, и отдельские, и царскосельские, и стебутовские, и финансовые. В Москве хочется хоть немного уйти в книги.

Здесь на февраль назначают целую генетическую конференцию для разбора гомол[огических] рядов. Надо будет явиться во всеоружии. Москва не Саратов, и судьи здесь строгие, надо многое изменить, переработать, обобщить, когда-то все успеешь. И «Полевые культуры Юго-Востока», и сборы, и лекции, и пр. и пр. Внимание очень радует, но и усиливает ответственность. И теперь эту ответственность разделять нам надо вместе.

Ряды — только набросок, до совершенной формы далеко. А они должны быть столь же закончены, как иммунитет.

В большой коллективной работе надо не размениваться на мелочи, уметь отойти от забот в науку. Организуя коллективную работу, входя во все мелочи, дрова, жилье и пр. и пр. для всех, надо не отходить от бога, кому служишь. Ты меня остановишь вовремя. В схеме в голове имеется план, мне кажется, что он осуществится.

Завтра пойду к академику А.П.Павлову¹ — геологу. Он прочитал «Ряды» и хотел передать мне свои работы, близкие по теме. Завтра у Кольцова²

открытие евгенического об-ва. Надо тоже зайти. Зайти к Луначарскому³, Серде⁴ etc. etc.

Ну, до скорого свидания, будь здорова, не переутомляйся, все успеется. У Брандта-Ибсена есть хорошее место:

«Простится все тебе, чего не мог ты сделать, То ж не простится, что не восхотел».

А мы многое, очень многое хотим сделать, может быть, не успеем всего, сделаем что сможем.

Твой Н.

Мне хочется, Леночка, чтобы и ты перестала бы хоть в письмах обращаться на Вы. Пожалуйста. Мне так хочется, чтобы мы были близки.

¹ Павлов А.П. (1854—1929) — геолог, палеонтолог, биостратиграф; с 1886 г. профессор МГУ.

² Кольцов Н.К. (1872—1940) — биолог и генетик, основатель Института экспериментальной биологии.

³ Луначарский А.В. (1875—1933) — государственный и партийный деятель, с 1917 г. нарком просвещения.

⁴ Серда С.П. (1871—1933) — статистик-экономист; в 1920 г. член ВЦИК и народный комиссар земледелия.

20/XI. (Москва)

Мой самый дорогой друг, возможно, это последнее письмо, что я пишу тебе из Москвы. Через 6-7 дней я надеюсь отправиться в Саратов и увидеть тебя.

Довольно странно для меня, что здесь я нашел только одно письмо от тебя от 13/X. Я ожидал по меньшей мере два-три письма. Я боюсь, что адрес Царицынская, 170, на который я послал как минимум 8 писем, неверен. Было бы очень жаль, если это так. По этой причине сейчас я пишу на Университет. Но, может быть, ты не вполне здорова?

Как ты, моя дорогая девочка? Береги здоровье.

В Москве дел не много. Самое важное — достать 3 вагона для Саратова и почитать новую научную литературу. Как раз сейчас я сижу в материнском доме и читаю последний номер Zeitschrift für inductive Abstammungslehre за 1920 г. Есть кое-что интересное.

Утро 21/XI. Сколько много надо прочитать. Много очень интересного, по меньшей мере для нашей работы.

Для завершения Закона гомологических рядов необходимо изучить детально палеоботанику, палеозоологию и зоологию. Там кое-что, как здесь, — не так конкретно, не так ясно, но есть аналогичные идеи. Дорогой друг, в этом изучении мы пойдем вместе, потому что для исследования мимикрии необходимо изучить этот вопрос в зоологической и палеонтологической литературе.

Все это очень интересно, но требуются время и спокойная работа. Здесь, в Москве и Петрограде, есть общий интерес к нашей работе. Это стимулирует.

Я очень тороплюсь читать и сижу с книгами утрами и ночами.

Твой искренне Н.

6/XII. Ночь (Саратов)

Дорогая Лена,

Я получил твоё письмо на английском языке. Я его исправил. Пожалуйста, обрати внимание на ошибки.

Ты пишешь обо мне, что видишь меня в двух совершенно различных аспектах. Дорогой друг, может быть, ты права. Я не думаю, что я очень эгоистичен. Я никогда не считался таковым. Необходимо быть в коллективной работе требовательным, иначе ничего не выйдет. Поэтому я должен быть иногда достаточно «строгим и властным». Я был очень строг к себе тоже и, мне кажется, я говорил тебе, что после моего студенчества я считал, что в реальном дне только 8 часов продуктивной работы. Сейчас, к сожалению, я должен сказать, что мой день не стоит даже половины того.

Пожалуйста, рассказывай о моих недостатках, если это будет возможно. Я постараюсь исправить их. И конечно, ты не имеешь права бояться меня.

Итак, дорогая девочка, мы должны быть вполне спокойны. Работать, учиться и стараться полностью понять друг друга.

Не забудь о фотографиях. Пришли их мне.

Эти две недели я постараюсь работать, писать книгу о культурах Юго-Востока.

Мне хочется по-настоящему продуктивно попробовать работать эти недели, не взирая на суету. Я постараюсь и скажу тебе, выйдет ли это. А ты поспособствуй этому. Если ты будешь спокойна, весела — этого будет уже много. Пиши мне по-английски, пожалуйста. Учи английский. Стихи Байрона, Браунинга. И говори по-английски. Обещай.

Твой Н.

6—19/XII. Утро.

Мой прекрасный друг.

Сегодня именины. Иногда мне нравится этот день. Он позволяет немного осмотреться. Этот год был полон множеством событий. Одно из наиболее важных личных событий, случившихся в этом году, это любовь к моей дорогой Аленушке. Конечно, это случилось не вдруг. И два года назад, когда я предлагал Аленушке работать в лаборатории, быть связанной с лабораторией, я уже любил ее.

Ты все еще сомневаешься, я понимаю твои сомнения. Но время идет, и твои сомнения должны закончиться. Я рассмотрел все очень серьезно. Я искренне думаю, что рано или поздно ты станешь моей женой. Я знаю, что много неудобного для тебя и для меня тоже. Но, суммируя все, я знаю и чувствую, что мы правы. Кто может сказать, что я неправ. Только один. Это Олег. Но, со своей стороны, я знаю, и я уверен, что я сделаю все для него, и я уверен, что он не будет стыдиться меня. Жизнь сложна и

очень условна. Для тебя, как я понимаю, это все еще ближе. Ты меньше связана, по крайней мере если твоя первая любовь прошла. Никто, ни один, не может сказать, что ты виновата. Если ты скажешь мне — ты любишь другого — это будет очень больно для меня, но, я думаю, ты будешь права. Ты имеешь все человеческие права для этого.

По этой причине, дорогая, ты должна быть непреклонной и храброй. Условия жизни и настоящего особенно обязывают нас держать все в секрете. Я не говорил ни слова моей жене. Хотя я не говорил и ни слова, чтобы успокоить ее. Я люблю своего сына. И мне доставляет большое удовольствие видеть его развитие. Когда мы будем в Петрограде, мы подумаем, как все закончить.

Я должен так много спросить тебя, сказать тебе.

Но одну вещь я бы хотел сказать сегодня. Моя самая дорогая Леночка, факт есть таков, каков он есть, я люблю тебя, ты дорога для меня, твои сомнения по большей части неверны. Конечно, ты имеешь право высказывать их, но я имею право отрицать их.

И вот снова и снова, милая Леночка, милая и прекрасная Аленушка, мне хочется видеть тебя уверенной, спокойной, веселой. Ты имеешь все права быть такой. Мне сегодня хотелось бы взять Леночку за руки и сказать ей самой непосредственно все, что не напишешь.

Твой искренно, Н.

20/XII. (Саратов)

Моя дорогая, прежде всего ты должна знать, что хотя я действительно и всегда занят, мне доставляет только удовольствие видеть тебя, помогать тебе, и, конечно, я только рад, когда ты пишешь мне и приходишь ко мне.

В действительности только ночью у меня есть время спокойно подумать и написать тебе без помех. Время мое; особенно я люблю проводить ночь в лаборатории. Сейчас я не могу этого делать, поскольку в моей комнате остановился Писарев¹. Это, конечно, неудобно. Но я достаточно терпелив. Ты тоже, насколько я знаю, даже больше, чем я.

Пожалуйста, не бойся беспокоить меня. Для тебя у меня есть время. Ты знаешь, что я отвечаю тебе достаточно аккуратно.

После того, как Писарев уедет, я надеюсь видеть тебя свободно.

Иногда мне очень досаждают, как здесь, в Саратове, люди совсем не заботятся о времени и личной работе других. Это провинциальная привычка. Это довольно распространено и в Москве. Но действительно, так трудно работать, думать спокойно. Твоя комната как магазин, каждый заходит, не спрашивая, беспокоит тебя, и как будто все в порядке.

Никакая серьезная работа не может быть сделана в таких условиях. В Петрограде будет гораздо лучше.

В Петрограде, конечно, будет даже больше работы, но в лучших условиях. Человек, которого я хотел бы видеть с нами, — Ал.Ал.Рыбин (?),² кто, как ты знаешь, причина моего появления в Саратове.

Сегодня я начал учить латынь. Это так...здорово учить что-нибудь. Раньше в Москве каждый год я что-нибудь учил: итальянский, шведский, персидский и т.д., и я очень рад, что у меня есть несколько часов делать это сейчас.

Дорогая Леночка, как и раньше, в Петрограде ты часто в моих мыслях, и чем больше я узнаю тебя, тем больше понимаю, что я прав.

Поэтому, пожалуйста, пиши, давай мне свои письма, будь смелой.

Твой Н.

Твои письма становятся лучше, ты делаешь не так много ошибок. Вот твое письмо с исправлениями.

¹ Писарев В.Е. (1883—1972) — агроном, селекционер и географ культурных растений, с 1921 г. работавший с Н.И.Вавиловым в отделе прикладной ботаники и селекции, впоследствии его заместитель как директора ВИР.

² Не очень разборчиво. По-видимому, Рыбин — профессор Саратовского университета.

22/XII.

Все еще ночь. Сегодня я один, могу спокойно думать, писать. Я счастлив быть свободным, чтобы писать тебе, дорогая. Пшеница подождет немного, совсем немного, ты разрешаешь, конечно. И снова, как бывает, иногда лучше писать по-русски. Попытаюсь на обоих.

Моя дорогая девочка. Но лучше по-русски. Милая, прекрасная, дорогая, любимая Леночка, хочется сказать все самые лучшие слова. Аленушка, Ленушка... Но это все лучше сказать в глаза, прямо, непосредственно. И так как этого не передашь, буду писать о более серьезном.

Так вот, жизнь свою я представляю себе так: вся она должна быть служением науке, прекрасной, большой, нужной. Чем больше я узнаю ее, тем больше влечения, веры, уверенности. Служение ей должно быть продуктивным. И лаборатория, книги, ваши успехи, боюсь, что дорогие дома, уют. Лабораторию понимаю широко, она — весь мир: Китай, Америка, Англия, Голландия, Африка.

И вот, милая и славная Леночка, мне кажется, что мы близки и должны быть близки, потому что и тебе эта жизнь в науке по душе. Жизнь не наполнишь одной семьей, и я считаю всегда счастием иметь жену, родственную и по духу, и по интересам. Ты скажешь, что ты скромна, только начинающая. Это не имеет значения, учитель не может быть без учеников. И ты знаешь, что без вашей, твоей работы не было бы многого и в моей работе.

Когда судишь людей со стороны, по крайней мере мне так хочется судить, даешь им приговор по делам их, могут быть миллионы оправдывающих обстоятельств, и суд должен быть мягким, но мы судим себя и других по делам, по внешнему проявлению. И личная жизнь прекрасна тогда, когда она стимулирует общую жизнь, когда между семьей и служением делу нет розни. Мы — я, ты — счастливы тем, что между внутренними импульсами и делом, которому служим, нет розни. То, чему служишь, — сама личная жизнь. В этом и сила научной работы.

Ну об этом довольно.

А засим надо многим на письма всегда отвечать.

Мне хочется многое сделать, наладить работу продуктивно, объединить разрозненные бестолковые работы по всей России. Не выполнивши хоть доли, боишься самому себе определять крайние достижения, но дерзко стремишься к ним.

Время пришло написать о «пшенице», и ночь уже. Спи, дорогая, хорошо, спокойно. Пусть лучшие сны придут к тебе. (Зачеркнуто: Я не верю в Dirty, но я очень люблю некоторые его символы. — М.В., Ю.В.).

Твой Н.

25 XII.

Хотя ты, дорогая, до сих пор не ответила, мне хочется написать тебе. Эти два дня я не в согласии с самим собой. Они были непродуктивными, и я чувствую что-то, как угрызение совести (угрызение совести), что сделал так мало. Это всегда происходит со мной, только делая что-то, будучи занятым день и ночь и производя что-то, я могу быть удовлетворен. Я чувствую, что жизнь в деле, в действии. Поэтому сегодня ночью я буду работать, читать, завтра тоже. Я напишу и думаю, что ты одобришь мою работу. В мыслях я посвящаю эту работу тебе, дорогая. Это небольшая работа и довольно легкая для меня, но мне хочется, чтобы она была полезной для многих. Я не патриот, но я хочу, чтобы Россия в науке была не хуже, чем другие страны. Все наши работы должны быть важны и полезны.

Ночь 3¹/₂. Дорогая, закончил мой урок. Он был довольно маленьким, но завтра будет больше. Мы должны торопиться. Это не так. Жизнь коротка. Мы должны сделать хотя бы немного в этом мире.

Твой Н.

27/XII.

Моя самая дорогая Леночка, Ленушка.

Я боюсь, ты не совсем здорова. В этих холодных комнатах так легко простудиться. Вчера и сегодня я чувствую, что ты не вполне здорова, дорогая. И опять так много забот в лаборато-

рии. Что ты можешь сделать? Ты видишь, что немного комфорта вполне необходимо. Я не специалист в этом. И я надеюсь, и я даже уверен, что в Петрограде будет лучше.

Но перед тем, как ты приедешь, мы должны предпринять необходимое, чтобы тебе, дорогая, было хорошо. Посиди немного дома, поучи английский, почитай. Только два дня — это не важно, и одевайся лучше. Ветрено у твоего окна, сиди возле овсов и устрой там свое место. <Так жаль — зачеркнуто>. Извини, что так неуютно в нашей лаборатории, нет места, нет столов для всех. Скажи, что мы можем сделать, и я сделаю все, что ты пожелаешь.

Моя работа движется медленно. Я боюсь, что делаю так мало, хотя весь день с девяти до двух-трех часов ночи, а иногда дольше, занят. На самом деле так много книг и так много вещей интересны. И снова я чувствую, я так мало знаю этот Юго-Восток. Это правда, по меньшей мере 2 года необходимо, чтобы узнать его. И работа при этом должна быть вполне серьезной. Но, как номады, мы должны удерживать наши позиции и идти дальше. Иногда я чувствую себя Агасфером¹. Последние 10 лет я путешествую от одного города к другому, из одной страны в другую. Возможно, это инстинкт номадизма. В Америке Дэвенпорт² написал книгу о наследовании способности к номадизму (у нас эта книга есть в библиотеке). Может быть, он прав. У отца тоже была склонность путешествовать, но не в такой степени.

Уже 3 часа. Заканчиваю. Будь здорова, дорогая.

Милая, дорогая Леночка. Мне так много хотелось бы сделать. Мне хотелось бы, чтобы ты прониклась этим стремлением и одобрила его. Мне кажется, я снисходителен к людям, может быть, иногда этого не бывает, но в душе, в желании — это так. Я совершенно не аскет, не хочу им быть, но жизнь полна, когда хоть неясно чувствуешь удовлетворение. Ну, это все философия. *Достаточно философии.*

Я часто думаю о тебе, милая, и ты становишься с каждым днем ближе и дороже для меня.

Твой Н.

¹ Агасфер — легендарный персонаж в церковном предании, осужденный на скитания по земле до второго пришествия.

² Davenport C.B. The Feebly Inhibited. Nomadism, or the Wandering Impulse with Special Reference to Heredity. Inheritance of Temperament. Washington, 1915. P.158.

30/XII

Уже первый час ночи. То есть 31/XII. Завтра Новый год. Дорогой друг, этот Новый год действительно должен быть Новым годом для нас. Впереди у нас все новое.

Я не боюсь этого года. Действительно я уверен в нем. Пути достаточно ясны. Может быть, как никогда прежде. Я не люблю ходить различными путями, но много сомнений время от вре-

мне возникало. Сейчас, дорогая, милая Леночка, я достаточно уверен.

Жизнь сложна. Все беспокойства иногда так досадны, но все это мелочи, увидеть пути ясно — самое важное. Идти по нему прямо. Мы пойдем вместе с тобой.

Судя по твоему письму, ты все сделала хорошо. Да ты и не могла иначе.

Милая, дорогая Ленушка, я тоже хочу, чтобы мы были совсем близки друг другу. Так должно быть и будет. Это уже почти есть, мне кажется. Всегда бываешь настороже, но что же поделаешь. Пока иначе не может быть, сразу все не скажешь и в обрывки минут не передашь всего. Я совсем открытый, так кажется по крайней мере самому, и мне часто кажется, что я ничего не могу скрыть. С годами приходит умение владеть собой, немного актерства, пожалуй. Это необходимо.

Для упражнения немного поэзии.

Когда слова готовы с губ сорваться,
Ты должен пять вещей держать в уме:
Как и о чем поведать ты собрался,
С кем говоришь, когда и где*.

Это пишет умный англичанин. Они немного знают о жизни. Милые англичане, они действительно знают немного о жизни под солнцем. Иногда я представляю как реальность прекрасный Кембридж¹, его часы на стене, которые так красиво звенят. Старые, старые стены, Дарвин, Хаксли, Пирсон, (одно слово неразборчиво. — М.В., Ю.В.), Zidge, Стюарт и многие-многие другие. Милая, дорогая Ленуша, я счастлив был видеть многое большое, и ты увидишь его. Когда мы будем вдвоем, я тебе много расскажу.

Но, дорогая Леночка, ты не должна обращаться ко мне на «Вы». Пожалуйста, дорогая. Так хорошо по-английски и по-русски. Английское старомодное «ты» — это лучше. Пожалуйста, отныне и навсегда.

Счастливого, наисчастливейшего Нового года, дорогая.

Твой Н.

В твоём последнем письме есть ошибки: «teaning», но не «tining».

* Перевод М.Вишняковой.

¹ Кембридж Н.И.Вавилов посетил в 1913—1914 гг., во время своей стажировки в Англии.

1921. Саратов 2/1.

Дорогой, милый друг.

Мы так часто видим друг друга, но по существу и не видимся. Так редко удается увидеть тебя и сказать пару слов. Трудно даже отдать письмо. Это уже третье, что я пишу.

Но это не имеет значения, по крайней мере большого значения. Мы очень терпеливы. Ты думаешь так же.

Мне кажется, что все наиболее важное решено. Поэтому я так уверен. Мне кажется, что все случится так, как нам хотелось бы.

Пиши, дорогая, все, что ты думаешь, рассказывай все сомнения, если они еще существуют, я попытаюсь уменьшить их.

Работа идет хотя и медленно, но не безнадежно. Бывают минуты, когда мне хотелось бы взять какой-нибудь роман, послушать музыку, пойти посмотреть что-нибудь. В Саратове не так много есть что смотреть.

В Петрограде мы пойдем смотреть много вещей. Но все это приходит for minutes. Надо так много сделать. Все интересно, и, дорогой друг, возможно, ты не согласишься полностью, но работать в науке — значит жить. Я готов сделать много корректировок в этом утверждении. Я не люблю ссориться.

Твой Н.

Среда 5/1

Милая Ленуша.

Сегодняшним и вчерашним днем очень недоволен, почти ничего не сделал, с комиссиями и пр. разговорами. Придется изолироваться и что-нибудь предпринимать. В душе нет спокойствия. А сегодня, стоя вечером у постели Олега, как-то сразу подумал о том, что с ним не так, может быть, легко можно будет устроиться как хотелось бы. Принципиально, Ленуша, все ясно, и для меня все решено, но надо практически все устроить как можно лучше в условиях действительности. И все трудности в этом. Это все, конечно, я должен устроить, уладить. Пишу тебе, потому что хочу, чтобы ты все знала. Дни пройдут и принесут решение. И об этом буду думать эти дни.

Все, Ленуша, конечно, бывает трудным, но я не боюсь трудностей.

Сегодня на уроке латыни читали прекрасные стихи Катулла, которые начинаются так: «Vivamus, mea Lena (в оригинале Lesbia), atque amemus...».

Будем жить, Лена, будем любить друг друга.

Пусть суровые старики судят нас и болтают...

Стихи удивительно хорошие, у меня, жалко, не осталось книжки, я хотел их заучить наизусть для тебя.

Загляни, Ленушка, в день Рождества в лабораторию, я буду целый день, за исключением промежуточных минут 3—6. Мне так хочется тебя видеть хоть на десяток минут.

Милая, дорогая Ленуша, пиши пожалуйста когда хочешь по-русски. Иногда, вот как сейчас, как-то не идет по-английски.

2-й час ночи, попробую еще позаниматься часа три, м.б. что-нибудь выйдет. Ночую в лаборатории, это сейчас очень часто. И дома перестали на это обижаться.

Ну, до свидания, дорогая. Твой Н.

Стихотворение Г.В.Катулла:

Будем жить, моя Лесбия, будем друг друга любить,
Пересудам и сплетням мы знаем грошовую цену.
Заходящее солнце восходит с утра, но не быть
Нам опять на земле — краткой жизни приходит на смену
Беспробудная ночь. Поцелуй меня тысячу раз
И еще сотню раз, снова тысячу, сызнава сотню,
И еще, и еще — чтоб дурной и завистливый глаз
Сосчитать поцелуй не мог и богатства не отнял*.

* Перевод М.Сазонова.

Без даты

Моя самая дорогая девочка.

Я хотел бы так много написать. Я люблю писать тебе, но это была твоя очередь писать, поэтому я ожидал твоего письма.

Я исправил твое письмо, там довольно много ошибок. Это неважно. Ты продвигаешься вперед, я уверяю тебя. Я знаю по себе, что это очень трудно, знать язык в совершенстве, это было самым трудным и для меня. И я не знаю его достаточно хорошо, по крайней мере так, как хотел бы знать. Это самая трудная вещь. Читай больше, столько много, сколько возможно. Быть неудовлетворенным — это важное дело. Быть неудовлетворенным означает идти вперед. Недовлетворенность — это путь к прогрессу. И я бы очень хотел, мой дорогой, милый друг, чтобы ты не удовлетворялась собой.

О работе, которая на самом деле идет очень медленно, но я виноват, я беспокою тебя различными вещами, прося все время помочь мне. В-первых, конечно, очень необходимо закончить с викой (Vicia). Ты сделаешь это, я знаю. Ты работаешь не очень медленно и достаточно продуктивно.

Я очень часто не удовлетворен собой. Может быть, это не заметно, но это очень часто так.

Моя работа идет, но не так быстро, как хотелось бы, и иногда я боюсь всех других дел еще не законченных, и Бог знает когда они будут сделаны.

Жизнь интересна, дорогая. Первые шаги, может быть, иногда скучны (утомительны), но чем больше ты идешь вперед, тем больше будет интересно. Один из моих хороших школьных друзей однажды сказал мне: «ты идешь так быстро, ты очень особенный, ты всегда ищешь новое, ты скоро устанешь от жизни, все будет уже известно тебе, и жизнь наскучит тебе». Годы прошли, и, мой друг, было не так, как раз наоборот: чем больше проходит лет, тем больше планов приходит в голову, больше вещей становятся интересными. Необходимо брать от жизни лучшее, конечно, не в смысле только развлечений, но лучшее в лучшем смысле. Мы пойдем вместе, и, надеюсь, ты скоро убедишься, что хотя жизнь, особенно сейчас, достаточно утомительна, но мы можем

выбрать лучшее из нее и идти нашим собственным путем: преодолевая все трудности, все помехи.

Будь спокойна, дорогой друг, не утомляйся. Я не хочу этого.

Твой Н.

1 час.

Дорогая, милая Леночка, мне кажется я не видел тебя так долго. Я хотел бы быть с тобой, читать с тобой, скажем Уэлса или что-нибудь еще, работать вместе. Сегодня, дорогая, на нашем факультете собрание, где была большая дискуссия, снова и снова о новой и старой форме. Голоса разделились пополам. Я и другие четверо выбрались решить конфликт. Я не хотел быть там, но я чувствую, я должен это сделать.

Мне кажется, я решил (уладил) его уже по меньшей мере с Бушинским¹. Все остальные не серьезные.

Крестоцветные... дыни, арбузы остаются...

Дорогая, дорогая, я действительно боюсь, когда закончу их.

Я надеюсь видеть тебя на этих днях.

¹ Бушинский В.П. (1885—1960) — почвовед, агроном, биолог. В 1918—1921 гг. — декан агрономического факультета Саратовского университета.

7/II.

Дорогой друг.

Нет чернил, и я должен писать карандашом. Я начал корректировать твою работу. В ней все еще достаточно есть что исправлять, чтобы сделать совершенной, и без тебя, возможно, я не смогу закончить исправления.

Вчера после тебя я начал читать Zelinsky' вместо того, чтобы описывать результаты. Я не закончил свою работу, мой урок. Постараюсь сделать сейчас.

Поэтому мое письмо к тому же такое короткое. И, как наказание, Zelinsky был вообще неинтересен, по крайней мере то, что я читал.

Эта неделя может быть последней, что я в Саратове, это ясно, очень нужно торопиться. Ты, дорогая, должна быть сильной ради меня. Я должен торопиться. Это так. Ты тоже.

Только продуктивная работа приносит удовлетворение надолго.

Иногда бывает необходимым отойти в сторону, осмотреться, собрать все в голове и сделать заключения. Сейчас я чувствую это вполне своевременно. Много фактов предстоит взгляду, многие из них меняют главную идею. Для этого в Москве или Петрограде я всегда хожу в театр музыки.

Я очень рад — мы разрешили вопрос с дынями, арбузами, тыквами, крестоцветными и т.д. Они дают так много, дорогая.

Дорогой, милый друг, я так сильно хочу, чтобы ты была со мной не на 10 минут, не на момент, но работать с тобой, жить жизнь «благородно и основательно»². (Три слова неразборчиво. — М.В., Ю.В.) «Страсть, красота, великолепие — это вещь, которую легче понять, чем сказать»³.

Твой Н.

¹ По-видимому, имеется в виду Н.Д.Зелинский (1861—1953) — выдающийся российский химик-органик.

² Цитата из романа Г.Уэллса «Magnificent Research».

³ Там же.

9/II.

Милый друг, я очень тороплюсь и пишу по-русски.

Вот за то, прежде всего, как мне кажется, я полюбил тебя, что понял, что мы пойдем вместе. НЕ важно, что много неясного в планах, что у тебя нет такой подготовки, как хотелось бы. Но нужно знать, сочувствовать в главном и чувствовать и трудности, и опасения. Милый друг, дорого как раз то, что ты почувствовала ответственность, которую и я чувствую. Она страшна, но без нея и жизнь не мила. Иногда хочется отойти от этой ответственности, но чем дальше, тем в большей степени она идет, надо создавать школу, в Питере тоже скоро ее не создашь.

Милая Ленуша, я без конца рад твоему сочувствию, в нем то больше всего и силы, и чем больше чуткости, тем лучше. Я постараюсь передать тебе все что могу из знаний... я не переоцениваю, милый друг, тебя. Я очень суров и к себе, и к тебе и не могу быть иным, но это все придет, пусть будет желание.

Мне кажется, я не ошибаюсь, Ленуша, но все то, что было раньше, было очень далеко, не тем что сейчас переживаешь. Жена все же, несмотря на ее ум и подготовку, была Амандой из новеллы Уэллса *A Magnificent Research*¹, в другом стиле, но по существу выявляясь в тех же противоречиях, несогласиях, иногда это было очень трудно. Мы очень разные люди.

Будем очень терпеливы, хотя и не могу отнести себя к стойкам, но большое желание им быть.

Пора бежать, пишу это днем, ужасная вещь. Но иногда вполне необходимо не быть машиной. И я не машина.

Твой.

¹ Впоследствии переведен на русский язык как «Взыскуемое великолепие». Н.И.Вавилов читал его по-английски.

4/III. Москва. Ср. Пресня, 11, 1/1

Мой самый дорогой друг.

Уже три дня я живу в Москве. Мы прибыли не совсем хорошо через 4 дня. На пути была катастрофа ночью в Павелецке, наш автомобиль поврежден, и нам пришлось ехать 3 дня в «теплушке». Сейчас все хорошо.

Олег в порядке, и в Москве все идет не очень плохо, как, казалось бы, могло быть.

Сегодня прибыли 3 наших автомобиля. 4 человека остановились в Москве. Другие поехали прямо в Петроград. Я надеюсь поехать 7-го с Ольгой Вячеславовной, Писаревым, Гелей¹ и Горучиной².

События не вполне благоприятны для нас. Я не знаю еще, насколько серьезно, но пока, конечно, они идут не своевременно. Посмотрим.

Все дни бегаю с утра до ночи, чтобы все устроить, просмотреть иностранную литературу, людям в Петрограде первое время будет достаточно трудно. Я готовлюсь к этому. Как ты, милая Леночка?

Я не послал тебе телеграмму насчет происходящего, сделаю это, когда сочту возможным.

Как ты, милый друг, я часто думаю о тебе, и ты неотделима от всех моих мыслей.

Вполне ли ты здорова, как твой кашель, твой английский, как в лаборатории, в Саратове?

Пиши, дорогая, в Петроград. В нашем доме очень много людей в нескольких комнатах, и не очень удобно даже писать, поэтому отсрочка на 2 дня.

Надеюсь видеть тебя скоро. Твой Н.

¹ По-видимому, Гали Павловна Николенко (1901—?) — лаборант Саратовского филиала Отдела по прикладной ботанике.

² Не удалось установить.

7/III. Москва. Старая Пресня, 15, 1/1

Милая Леночка,

Не очень просто уехать в Петроград за счет новых событий, так что мы, б человек, все еще в Москве. Для меня не очень трудно достать билеты, но нас шестеро желающих ехать вместе, и много трудностей. Надеюсь отправиться завтра. Писарев все еще здесь. Он здесь уже 4 месяца.

Я устал от Москвы, никакого реального дела, только беготня по улицам. Трамваев нет, растояния длинные. Дома почти невозможно читать и писать. Время бежит бесполезно, и поэтому я совсем не удовлетворен.

Я пошлю телеграмму из Петрограда. Здесь мы видели много, но очень немногие что-то делают. Я очень хочу быть в Петрограде, начать работу, реальную организацию. Перед нами, дорогой друг, много трудностей, мы едем действительно на Петроградский фронт. Но я хочу бороться, я не боюсь трудностей. Милый друг, которого я люблю, будет со мной. Мы будем очень сильными. По меньшей мере будем стараться сделать все, что можем.

Я прочел несколько зарубежных статей, периодики, кое-что новое. Рано или поздно мы поедем за границу. Завтра пошлю свой иммунитет (Монография Н.И.Вавилова «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям», 1919. — М.В., Ю.В.) в Америку. Есть оказия.

Как ты, дорогая, напиши, пожалуйста. Я часто думаю о тебе.

Один из физиологов нашел ошибку в твоей работе о Makitoff (не удалось установить. — М.В., Ю.В.); суть его работы в установлении роли (неразборчиво. — М.В., Ю.В.) точки, не осмотического давления. Я почувствовал, что там что-то неверно. Нужно быть внимательной, выдерживая время экспозиции, по мнению авторов. На самом деле не очень важно заботиться об этом.

В московской секции нашей «Прикладной ботаники» у нас сейчас очень хорошая коллекция Vicia, около 180 сортов и видов. Мы посеем их в этом году. Много сортов из-за границы.

Как в лаборатории. Как Алевтина Матвеевна (не удалось установить. — М.В., Ю.В.) рисует микрию. Напиши, милая.

Ты могла бы поехать 12–15 марта, даже до телеграммы.

Твой Н.

10/III.

Милый друг,

мы уже в Петрограде. Три машины тоже прибыли. Все идет более или менее. Много-много трудностей, дорогая. Не все это понимают. Все ожидают, что мы сделаем чудеса. Конечно, попытаемся. Жизнь в 10 раз труднее, чем было в ноябре. Я боюсь. Я сделаю со своей стороны все возможное, чтобы помочь всем, кто прибыл из Саратова.

И я очень рад и счастлив знать, что в мире есть человек, которому я могу охотно рассказать все и кто поймет это, как я хочу.

Начинается петроградский период бытия, и в самых тяжелых условиях. Мне больно за множество нас, и в то же время есть дерзость попытаться наладить работу. Отдел — пока мертвое или почти мертвое учреждение. Вдунуть душу живую, осмыслить его жизнь, которая могла бы быть такой нужной, интересной — полной науки — ради этого стоит отдать несколько лет жизни.

Мне не жалко жизни. Хотя и говорят, что мы относимся к категории людей счастья, как-то давно уже готов каждую минуту отдать эту жизнь, по крайней мере за то, что любишь.

Милая Леночка, Я так хочу видеть тебя, быть с тобой, сотни раз сказать, как ты дорога для меня. Через 2-3 дня я pošлю тебе телеграмму. Я не тороплюсь, поскольку хочу все немного устроить. Мы прибыли так поздно.

Будь здорова, дорогая, помни, что для меня важно все, что происходит с тобой. Я должен сказать тебе так много о всех моих сомнениях, всех надеждах. Твоя любовь делает меня сильным. Я хочу, чтобы ты была радостной, здоровой, хочу быть с тобой.

Твой Н.

© Публикацию подготовили **М.А.Вишнякова** и **Ю.Н.Вавилов**

Основные источники, в которых ранее были опубликованы другие письма Н.И.Вавилова к Е.И.Барулиной

1. Бальдыш Г.М., Панизовская Г.И. Николай Вавилов в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Л., 1987.
2. Вавилов Н.И. Письма Е.И.Барулиной // Наука и жизнь. 1969. №9.
3. Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М., 2004.
4. Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. (Издание второе, дополненное и переработанное). М., 2008.
5. Вишнякова М.А. «Милая и прекрасная Леночка...». Елена Барулина — жена и соратница Николая Вавилова. СПб., 2007.
6. Н.И.Вавилов. Документы. Фотографии / Сост. Н.Я.Московиченко, Ю.А.Пятницкий, Г.А.Савина. СПб., 1995.
7. Поповский М.А. Надо спешить! М., 1968.
8. Резник С. Николай Вавилов. (Серия «Жизнь замечательных людей»). М., 1968.
9. Сеятели и хранители. М., 1992. Кн.2. С.429—430.